

Никитин О. В. С. И. Ожегов : «Пишу Вам на машинке...» (лингвистические зарисовки 1950—1960-х годов) / О. В. Никитин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 106—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-106-122.

Nikitin, O. V. (2022). S. I. Ozhegov: “I’m Writing to You on a Typewriter...” (Linguistic Sketches of 1950—1960s). *Nauchnyi dialog*, 11(6): 106-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-106-122. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-106-122

С. И. Ожегов:
«Пишу Вам на машинке...»
(лингвистические
зарисовки
1950—1960-х годов)

Никитин Олег Викторович
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
доктор филологических наук,
профессор
кафедры истории русского языка
и общего языкознания
olnikitin@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Мытищи, Россия)

S. I. Ozhegov: “I’m Writing
to You on a Typewriter...”
(Linguistic Sketches
of 1950—1960s)

Oleg V. Nikitin
orcid.org/0000-0003-2815-6691
Scopus AuthorID 57209316536
Doctor of Philology, Professor,
Department of History of the Russian
Language and General Linguistics
olnikitin@yandex.ru

Moscow Region
State University
(Mytishchi, Russia)

© Никитин О. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены неизвестные свидетельства эпистолярного общения С. И. Ожегова и его «корреспондентов» — профессора А. М. Еголина, князя П. Оболенского, тов. Недзвецкого. Указывается на ценность представленных материалов для изучения лексикологии, стилистики, авторской пунктуации, культуры речи. Переписка показывает индивидуальные качества С. И. Ожегова: открытость, готовность помочь советом, включенность в личные дела коллег, филологическую чуткость, заинтересованность в общении с учеными, веселый нрав. Очерчен круг обсуждаемых в письмах проблем, среди которых отбор и толкование дефиниций в словарях (*тиленый сахар*, *плавленный сыр*, *громootвод*), гаплоглогия, образование апеллятивов от имен писателей (*некрасовед* или *некрасовед*, *горьковедение*), социальная и фонетическая адаптация иноязычной лексики (*цен'тн'ер* — *центнер*, *т'емп* — *темп*, *т'ермин* — *термин*) и др. Приведенные в переписке факты комментируются с позиции истории филологической науки, даются необходимые отсылки, делаются возможные сопоставления с событиями и лицами, упоминаемыми в эпистолярии. С. И. Ожегов характеризуется как ученый-универсал. Делается вывод об актуальности публикации архивных источников, приоткрывающих интересные обстоятельства научной жизни филологов, обнажающих их поиски и открытия. Данные материалы дополняют имеющиеся сведения о лингвистических дискуссиях 1950—1960-х годов, представляют живые портреты ученых, являются вкладом в создание летописи филологической науки XX века.

Ключевые слова:

С. И. Ожегов; эпистолярное наследие; культура речи; лексикография; терминология; апеллятив; социоллингвистика; орфоэпическая норма; история языкознания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents unknown evidence of epistolary communication of S. I. Ozhegov and his “correspondents” — Professor A. M. Egoлин, Prince P. Obolenskiy, Mr Nedzvetskiy. The linguistic informativeness of the letters is noted. The value of the presented materials for the study of lexicology, stylistics, author’s punctuation and speech culture is indicated. Attention is drawn to the range of problems discussed in the letters, including the selection and interpretation of definitions in dictionaries (*pilyoniy sakhar* ‘sawn sugar’, *plavleniy syr* ‘processed cheese’, *gromootvod* ‘lightning rod’), haploglogy, the formation of appellatives from the names of writers (*nekrasovoved* or *nekrasoved*), social and phonetic adaptation of foreign language vocabulary (*t’emp* — *temp*), etc. The facts given in the correspondence are commented on from the standpoint of the history of philological science, the necessary references are given, possible comparisons are made with the events and persons mentioned in the epistolary. The texts are evaluated as a fragment of a special linguistic picture of the world, in which the main place is occupied by the linguistic personality of S. I. Ozhegov, who attracted scientists of different schools and generations. The conclusion is made about the relevance of the publication of archival sources that reveal interesting circumstances of the scientific life of philologists, exposing their searches and discoveries. These materials supplement the available information about the linguistic discussions of the 1950s and 1960s, represent living portraits of scientists.

Key words:

S. I. Ozhegov; epistolary heritage; culture of speech; lexicography; terminology; appellative; sociolinguistics; orthoepic norm; history of linguistics.

С. И. Ожегов: «Пишу Вам на машинке...» (лингвистические зарисовки 1950—1960-х годов)

© Никитин О. В., 2022

1. Введение = Introduction

Эпистолярный русский филолог — особая грань их таланта. В письмах они свободно выражали свои мысли, размышляли о языковых причудах времени, знакомых лицах и событиях, которые для них были живым источником, а часто и материалом для будущих научных статей и лингвистических экспериментов. Стоит отметить, что бытовые вопросы в таких источниках «проходные» и создают фон для естественной коммуникации, вводят и автора текста, и его корреспондента в единое русло «филологии письма», подготавливают к раскрытию речевого портрета. В этом заключается ценность подобных «мелочей» научного быта 1950—1960-х годов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили документы из личных фондов С. И. Ожегова (ф. 1516) и А. М. Еголина (ф. 1537) в Архиве Российской академии наук (РАН, Москва), представляющие собой переписку по проблемам лексикографии, терминологии, стилистики русского языка, особенностям функционирования произносительных норм в живой речи конца 1950-х — начала 1960-х годов. После выхода в свет «Словаря русского языка» (1949) в научной среде и обществе активно обсуждали состав и структуру издания первого однотомного толкового словаря советской эпохи, предназначенного для массового читателя. Автор в ответах «корреспондентам» откликнулся на многие спорные вопросы лексикографической практики: разъяснял принципы использования устаревшей (в частности, религиозной, «купеческой») лексики, аббревиатур, неологии, уточнял грамматические и стилистические пометы, раскрывал толкование лексем и т. д. В его адрес приходили письма, побуждавшие ученого к продолжению работы над «Словарем» и повлиявшие на него с точки зрения общественной направленности издания, призванного повысить интерес жителей страны к родному языку, подключить их к культурной традиции лексикографии. По сути, С. И. Ожегов в своей научной практике впервые применил метод анкетирования — непосредственного контакта с носителями языка, поставившими ему необычные идеи и редкие слова, своего рода лингвистические детективы, участвовавшими в совершенствовании структуры издания и в целом помогавшими ученому

реализовать амбициозную программу по перестройке «языковых вкусов эпохи» и изучению новой коммуникативной ситуации. Фрагменты той большой работы по собиранию и описанию разных уровней языка представлены в настоящей статье. Не все они, конечно, вошли в «Словарь», но были использованы С. И. Ожеговым в просветительских целях: практически каждый автор, невзирая на профессиональный статус, получал исчерпывающий ответ от главного «народного лексикографа».

В ходе переработки первого издания с учетом критики и обсуждений в 1952 году из печати выходит второе, исправленное и дополненное издание «Словаря», которое почти на десятилетие (до публикации четвертого, обновленного издания 1960 года) регламентировало лексикографическую практику в области нормативности и стало ориентиром для создания словарей разных типов (главным образом, толковых и ортологических). Публикуемые письма как раз отражают это время, а критика «Словаря» его читателями показывает возросший интерес аудитории к изучению научной литературы — традиций академической лексикографии.

В 1952 году в Институте языкознания АН СССР (с 1958 — Института русского языка АН СССР) по инициативе С. И. Ожегова был организован Сектор культуры русской речи, занимавшийся изучением прежде всего вопросов практической стилистики, лексикологии, орфоэпии. Среди основных задач этого подразделения были установление и кодификация норм русского литературного языка. В круг обязанностей ученого входили решение проблемы теоретического и исторического обоснования процессов вариативности в живой речи второй половины XX века, выявление и анализ новых тенденций в языке, возникавших под влиянием социокультурных изменений в обществе. Туда стекались пачками письма неизвестных авторов и многочисленные запросы от специалистов-нелингвистов по проблемам словарной теории и практики. Там рождались интересные идеи. Одна из них — коллективная монография «Русский язык и советское общество» (1968) — была реализована уже после смерти С. И. Ожегова и выдержана в традициях заложенных им методик и экспериментов непосредственного контактирования с носителями языка для выявления его нормативных признаков и анализа фактов реального говорения.

Наступала новая эпоха «оттепели» в языкознании. Ее символом в русистике отчасти стала популярная и сейчас среди филологов серия сборников «Вопросы культуры речи» (вып. 1—8, 1955—1967), пропагандировавших новые направления в языкознании и подходы к изучению звучащего слова: функциональную стилистику, социолингвистику, лингвокультурологию, статистические методы и их роль в установлении нормы, окказиональное словообразование в поэзии, изучение разговорной речи и др. Напом-

ним, что на страницах этого издания была опубликована известная статья Т. Г. Винокур «О языке и стиле повести А. И. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”» [Винокур, 1965, с. 16—32].

Таким образом, С. И. Ожегов и его соратники постепенно меняли облик русистики: наряду с серьезными теоретическими исследованиями важное место в багаже академических достижений тех лет заняли труды о языке *homo loquens*. То, что впоследствии назовут антропологической лингвистикой, изучением языковой личности, начиналось с работ В. В. Виноградова и С. И. Ожегова. Анализу частных проблем этого панорамного направления (изучение семантики слова, экспериментальная лексикография, возможности языка создавать новые термины-апеллятивы, практическая стилистика и орфоэпия) посвящена наша статья.

В качестве иллюстраций к анализу лингвистических проблем, обсуждавшихся в лингвистическом сообществе 1950—1960-х годов, публикуется переписка С. И. Ожегова с его «корреспондентами» — читателями «Словаря» и обычными информантами, которым он рассылал анкеты. При воспроизведении и филологической обработке этих документов мы сохранили авторскую стилистику, пунктуацию, орфографию (например, П. Оболенский писал местоимения и глаголы с частицами через дефис: *тому-же*, *думаете-ли*) и сокращения. Недописанные части слов в ряде случаев раскрываются в угловых скобках, незначительные пропуски восстанавливаются отточиями в квадратных скобках. Подчеркивание заменено курсивом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Фигура С. И. Ожегова центральная в переписке. Он как маяк притягивал к себе большие и малые корабли с тысячами пассажиров в надежную гавань филологии. Мы уже рассказывали в других публикациях о многочисленных письмах к нему из самых отдаленных уголков страны, из-за рубежа [Никитин, 2020a; Никитин, 2020б; Словарь..., 2001]. В них содержались просьбы разъяснить то или иное слово, возникали споры, велся обмен мнениями, и эта лексикографическая практика со своими читателями у С. И. Ожегова и сотрудников его сектора имела продолжение в течение многих лет. Можно сказать, его имя еще при жизни стало нарицательным, символом языкового духа времени. С. И. Ожегов, русская речь и его «Словарь» — своего рода константы филологической картины мира второй половины XX столетия (ср.: [Костомаров, 2001]).

3.1. Терминология и особенности семантизации лексических единиц в «Словаре русского языка»

Одним из важнейших вопросов лексикографического описания языка второй половины XX века было включение в активный фонд новых «тех-

нических» слов, терминов и понятий институтов советской власти, неологизмов и тому подобных единиц, которые раньше отсутствовали в литературном языке как общеупотребительные слова, а некоторые из них, помещенные в «Словаре», возникли в революционную эпоху и стали приметой времени. А. М. Селищев, один из первых исследователей языка этого периода, справедливо замечал, что после 1917 года в газетной публицистике большое место стали занимать заимствования: *ажютаж, альянс, гарант, гегемон, коммюнике, люмпен* и мн. др. [Селищев, 1928, с. 30—32]. Влияние других языков отразилось и на словообразовании. Появляются такие лексеммы, как *Невастрой, пионердвижение, дензнак, политкружок, цехбюро* и т. д. [Там же, с. 36].

Еще в середине 1920-х годов С. И. Ожегов задумал составить «Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник» и сделал к нему предварительные наброски. В них значительное место отводилось, в частности, морфологическим (*керенка, самокритика, заградилровка*) и семантическим (*уклон, чистка, соревнование*) новообразованиям, лексеммам типа *рабфак, завкани, технорук*, сложным словам вроде *красноармеец* и т. п. [Ожегов, 2001, с. 411].

В период работы над «Словарем русского языка» перед ученым стояла непростая задача выработки новых лексикографических принципов. Одни единицы (например, *будёновка*) отсутствовали во 2-м издании, а неологизмы *нэлман* — «частный предприниматель, торговец времён нэпа» [Ожегов, 1952, с. 375] и *пионервожатый* «комсомолец, руководитель пионерского отряда» [Там же, с. 468] — заняли почетное место в алфавите общеупотребительных литературных слов 1950-х годов. Устаревшие значения и лексеммы, которые не прижились в языке середины XX века и были локализованы специальной литературой или социальным кругом людей, как правило, отсекались и не включались в словарь. Элементы, имевшие *устойчивое* употребление в письменной и устной формах и не ограниченные в своем использовании стилями речи, получили прописку в «Словаре».

Похожую тенденцию мы наблюдаем и в области семантизации лексических единиц. Так, в письме тов. Недзвецкого С. И. Ожегову выражение *плёный сахар* вызвало спор, очевидно, из-за того, что ученый дал «не такое» объяснение, которое хотел видеть его «корреспондент»: «Распиленный, обработанный пилением. П<илёный> лес. П<илёный> сахар (в квадратных плитках)» [Ожегов, 1964, с. 507]. Ср. у Д. Н. Ушакова: «Выработанный ровными прямоугольными плитками, в отличие от колотого» [Толковый словарь..., 1939, с. 259]. Возможно, у автора письма вызвало недовольство отсутствие указания на процесс изготовления такого сахара (несмотря на оригинальное название, его делают прессованием), но такая

характеристика находилась бы за пределами принципов составления одно-томного толкового **нормативного** словаря.

Филологическое объяснение сочетания *плавленный сыр* тоже не устраивало Недзвецкого. У С. И. Ожегова это «сорт мягкого сыра» [Ожегов, 1952, с. 470] (так же и у Д. Н. Ушакова [Толковый словарь..., 1939, с. 275], но с добавлением пометы «спец.»). Заметим, что в книгах по пищевым технологиям и тематических словарях, где раскрывается само понятие (когда и как оно возникло, каковы особенности получения такого сыра и т. д.) с **энциклопедической** и **производственной** точек зрения, лаконичного определения было бы недостаточно, но в **толковом** лексиконе, как писал С. И. Ожегов во вступительном разделе «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», «раскрывается значение слова в кратком (здесь и далее разрядка автора. — О. Н.) определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в современной речи» [Ожегова, 1952, с. 5].

Так же можно объяснить и ситуацию со словом *громоотвод*. Мы не знаем содержания письма Недзвецкого, но предполагаем, что он и здесь возражал против «непрофессионального», технически необоснованного толкования отдельных лексем, упрекая «Словарь», который ученый назвал «общедоступным пособием» [Ожегов, 1964, с. 3], в «ограниченности», «в терминологическом дилетантстве». Вот как его толкует С. И. Ожегов: «Прибор для предохранения сооружений от удара молнии — обычно в виде вертикального металлического стержня, соединённого проводом с землёй» [Ожегов, 1952, с. 123]. И поясняет далее в ответе Недзвецкому, что «многие термины с точки зрения обозначаемых ими явлений устарели: техника производства или научные представления изменились, а слово продолжает служить для обозначения этого явления, уже по-новому понимаемого» [Архив РАН, 1516, 1, 139, л. 48]. С. И. Ожегов стремится убедить читателя в том, что «Словарь» не исследует историю возникновения слова и изменений в его семантике, не раскрывает сугубо специальную информацию, какая принята в терминологических источниках, а в контексте **лингвистического** толкования (грамматические и стилистические пометы) предлагает наиболее общие и частотные значения, используемые в общелитературном языке. Ср.: «...от словаря нельзя требовать сведений для всестороннего знакомства с самим предметом» [Ожегов, 1952, с. 5].

В публикуемом далее письме обсуждаются обозначенные лингвистические проблемы, которые, как выясняется, волновали не только ученых, но и обычных людей, открывших для себя мир лексикографии пусть не с научной, а с бытовой стороны, но все же прикоснувшихся к этой все-

ленной «в алфавитном порядке». Тов. Недзвецкий, узнаем мы из ответа С. И. Ожегова, был его многолетним критиком и неоднократно полемизировал с автором «Словаря».

С. И. Ожегов — Недзвецкому¹

[Москва], 20. XII. [19]52

Уважаемый тов. Недзвецкий!

Письмо Ваше от 1.X.52 я получил. Благодарю Вас за внимание, и при этом многолетнее, к Словарю и за замечания. Многими из них я несомненно воспользуюсь при переиздании. Надо Вам сказать, что благодарность читателям, отсутствие которой в предисловии Вы отметили, выпала по чисто техническим обстоятельствам. О некоторых Ваших замечаниях по поводу *плёного сахара*, *плавленого сыра* и *громоотвода*. Многие термины с точки зрения обозначаемых ими явлений устарели: техника производства или научные представления изменились, а слово продолжает служить для обозначения этого явления, уже по-новому понимаемого. Такие случаи в языке многочисленны. Ср., например, слово *перо*.

/С. И. Ожегов/ [Архив РАН, ф. 1516, оп. 1, ед. хр. № 139, л. 48].

Подобные письма-упреки к С. И. Ожегову приходили не раз, ведь читателями его словаря были и медицинские работники, и военные, и лица духовного звания. Приведем еще один пример, показывающий ученого как грамотного лексикографа, разясняющего очередному корреспонденту *принципы* отбора единиц: «Слова *сагиттальный* и *синтагма* не помещены как узкоспециальные; *стерва* — как вульгарно-бранное в современном языке. *Стожары*, пожалуй, можно отнести к числу пропусков. Слово *компрадёр* (ударение на последнем слоге), связанное с обозначением колониальной жизни и редко теперь применяемое, вряд ли нужно помещать в краткий словарь» (из ответа С. И. Ожегова Н. П. Ромадину от 27 октября 1954 года) [Словарь..., 2001, с. 506].

3.2. Образование апеллятивов от фамилий писателей

В памятниках русской истории и словесной культуры нередко встречаются производные от имен собственных — обозначений известных писателей, государственных деятелей. Оним в их составе выполняет нарицательную функцию, служит знаком, маркирующим тот или иной признак, явление или учение, соотносимое с упоминаемой персоной. Всем известны такие апеллятивы (ср.: [Суперанская, 1978]), как слово *аракчеевщина*, включенное в числе немногих номинаций подобного порядка в «Сло-

1 Машинописный экземпляр без подписи. Установить более подробные сведения о «корреспонденте» С. И. Ожегова не удалось.

варь» [Ожегов, 1952, с. 21], *дарвинист* [Там же, с. 128] или получившие распространение в советский период *ленинец* [Там же, с. 282] и *марксист* [Там же, с. 299]. Эти образования чаще всего принадлежат книжной стилистике, в то время как в целом наименования лиц по профессии, характеру, поведенческому облику, безотносительно к явлению апеллятивизации антропонимов, активно фигурируют и в разговорной речи, часто в качестве обращений. Они употребительны и в будничном обиходе города, особенно в диалогах, немало их и в диалектах. Вот, например, какие живые примеры апеллятивов-обращений приводит Л. Ю. Зорина по материалам ее экспедиций в Вологодскую область: *желанка*, *прядеюшка*, *супостаточка* и мн. др. [Зорина, 2017, с. 77—78]. Здесь ряд образован деминутивами. Имена нарицательные, переосмысленные от имен собственных, присутствуют в любой национальной лингвокультуре, ср. апеллятивацию антропонимов в научном стиле немецкого языка [Буркова, 2010].

В филологической науке, в силу ее специфики и антропоцентричности — закрепленности за крупной личностью целой школы или направления, апеллятивы встречаются достаточно часто. Пожалуй, самый известный и широко распространенный — *пушкинист*, а также *пушкинизм*, *пушкиноведение* как «специальная отрасль литературоведения» [Толковый словарь..., 1939, с. 1082], включенные даже в Ушаковский словарь, а значит, узаконенные как норма.

Тем не менее вопрос создания новых и адаптации уже имеющихся в речевой практике апеллятивов, в нашем случае от фамилий писателей, остается открытым в науке. Поэтому мнение С. И. Ожегова по данному вопросу звучит и сейчас актуально.

В письме к известному литературоведу и партийному деятелю А. М. Еголину (1896—1959), отметившемуся не только на филологическом поприще, но и в политических баталиях за чистоту искусства (занимался исправлением «идейных ошибок» журнала «Звезда»), как раз решается такая проблема. Он был автором небольшой книги «Некрасов — поэт крестьянской демократии» [Еголин, 1935] и с соцреалистических позиций рассматривал его произведения, которые выражали «революционную идеологию угнетенного крестьянства» [Там же, с. 90]. К середине XX века складывалась обширная библиография, посвященная творчеству Н. А. Некрасова, его изучали в школах и университетах. Гражданская антикрепостническая интонация лирики поэта импонировала властям, а термина, который мог бы емко, одним словом охарактеризовать это научное течение, еще не существовало в литературоведении.

С. И. Ожегов как тонкий лингвист в письме А. М. Еголину откликается на весьма непростую проблему «гражданства в языке» окказиональных

терминов-апеллятивов типа *толстовщина, горьковедение, некрасоведение* и рассуждает о том, как создаются такие слова [Архив РАН, 1537, 1, 54, л. 1]. Важным аргументом успешной жизни в языке неологизма являются, по мнению С. И. Ожегова, не только словообразовательная модель и известные законы языка, но и благозвучие: «громоздкость» не украшает слово. Поэтому он отвергает вариант *некрасовед*. Ученый был всегда внимателен к внешней стороне языка и воспринимал словесность как звучащую материю. Еще одним фактом в пользу «правильности» использования новообразований в речи он называет типологию уже имеющихся и закрепленных в общестилевой лексике форм: раз есть *лермонтовед, минералогия* и *знаменосец*, то уместно употребление и термина *некрасовед*. Здесь, на первый взгляд, простая лингвистическая задача решается и филологическими, и нефилологическими методами (С. И. Ожегов обладал уникальным даром чутья слова). Другая особенность, на которую опирался С. И. Ожегов в вопросе о целесообразности бытования того или иного слова, заключалась в употребительности его в живой речи.

Попутно заметим, бывая не раз в Рязани и участвуя в работе Музея академика И. И. Срезневского, мы слышали о студенческом научном обществе *срезневедов*. Необычный апеллятив прижился в речевом обиходе и активно используется в коммуникативной практике, письменных работах, *звучит* на конференциях, а значит, постепенно входит в русло литературного языка или, во всяком случае, не отвергается им. Полагаем, что и здесь действуют те же принципы, которые обозначил С. И. Ожегов. Так, грамотно используя эмоционально-смысловой потенциал языка, не нарушая его словообразовательных моделей, можно создавать и другие неологизмы, например: *блоковед, есениновед, никоновец* (последователь идей патриарха Никона), *чеховед, шахматовед* (от имени академика А. А. Шахматова, в этой форме тоже, по-ожеговски, укороченный вариант будет предпочтительнее, чем *шахматововед*) и т. д.

Думается, что размышления ученого о том, как можно упорядочить словесную игру, не пренебрегая законами языка, будут полезны исследователям родной речи XXI века.

С. И. Ожегов — А. М. Еголину¹

[Москва], 19. III. [19]58 г.

Дорогой Александр Михайлович!

Простите, что не сразу ответил на Ваше письмо. Я как-то не задумывался раньше о судьбе терминов, о которых Вы спрашиваете. Оказывается,

¹ Машинописный подлинник на стандартном листе бумаги с подписью автора.

что они уже давно приобрели право гражданства в языке, и язык поступил с ними по своим законам. И их довольно много; но не все они одинаково приняты. Имеют ли, например, широкое хождение такие, как *толстовщина*, *горьковедение*? Вот аргумент в пользу *некрасоведения*.

Термин *некрасовед* действительно слишком громоздок. Его вполне можно заменить более коротким и удобным словом *некрасовед*, тем более, что совершенно аналогичный термин *лермонтовед* тоже получил признание. Явление, которое здесь происходит, — выпадение одного из одинаково звучащих слогов (так называемая гаплоглогия) — известно и в других случаях. Именно так возникли слова *минералогия* (вместо *минералологгия*), *знаменосец* (вместо *знаменоносец*), *трагикомедия* (вместо *трагикокомедия*), *близорукий* (вместо *близоркий*, которое получилось из *близозоркий*) и нек. др. Так что слова *лермонтовед* и *некрасовед* не идут вразрез с закономерностями языка.

Пишу Вам на машинке, чтобы остался след от «ученых» рассуждений, которые могут пригодиться для статьи в «Вопросах культуры речи»¹.

Как Ваше здоровье? «Узкое»² всегда приносит облегчение нашим недугам.

С искренним приветом

С. Ожегов [Архив РАН, ф. 1537, оп. 1, ед. хр. № 54, л. 1].

3.3. Проблема орфоэпической нормы: спор П. Оболенского с С. И. Ожеговым

Еще одна проблема, которая остро звучала в лингвистических трудах 1950—1960-х годов (достаточно пролистать восемь выпусков «Вопросов культуры речи») и словарной практике, была связана с определением орфоэпической нормы и отклонений от нее. Экспериментальную работу в этом направлении начали еще А. М. Селищев [1928], Д. Н. Ушаков в программной статье «Русская орфоэпия и ее задачи [Ушаков 1928], а позднее продолжили Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, М. В. Панов и другие ученые. «Толковый словарь русского языка» (1935—1940) обозначил и закрепил не только лексические, грамматические, но и ортологические нормы.

Если раньше носителями образцового литературного языка считались мастера сцены (особенно актеры Малого театра), классические писатели, то к середине XX столетия социокультурная ситуация изменилась. Большую

1 Имеется в виду сборник статей «Вопросы культуры речи», выходявший под редакцией С. И. Ожегова в 1955—1967 годах (вып. 7 и 8 редактировал В. Г. Костомаров).

2 Санаторий АН СССР «Узкое», бывшая дворянская усадьба князей Трубецких, находившийся в те годы за чертой Москвы (сейчас в районе Ясенево), был излюбленным местом отдыха и лечения московских ученых.

роль в формировании массового языкового сознания стали играть общественно-политические газеты, журналы, телевидение, новые кинофильмы, достижения научно-технического прогресса. Хотя, по мнению Л. П. Крысина, и в конце XX — начале XXI веков можно найти и обобщить свойства речевого портрета русского интеллигента [Крысин, 2021, с. 216—220]. Устойчивых черт так называемого московского произношения в 1950—1960-х годах было значительно больше, чем сейчас, сохранялись немногочисленные островки носителей старой дореволюционной культуры слова — потомков дворянских родов, купечества, в учительской среде и т. д. К числу таких деятелей можно отнести князя П. Оболенского — ленинградского критика и киноведа. Он участвовал в предпринятом С. И. Ожеговым анкетировании, целью которого было выяснение исконного произношения и норм русского литературного языка. Публикуемые письма показательны для отражения речевого вкуса эпохи 1960-х годов в среде старой интеллигенции и их отношения к изменениям в культуре публичного общения. Особое внимание у П. Оболенского вызвала орфоэпическая норма в произношении заимствованных слов. Заметим, что одновременно с подготовкой новых изданий «Словаря» С. И. Ожегов как редактор разрабатывал специальные лексикографические «пособия», призванные обратить внимание читателей на звуковую сторону языка, показывавшие допустимые варианты в ударении, специфику палатализации и другие особенности живой речи: «Русское литературное произношение и ударение» (1955) под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, «Правильность русской речи. Трудные слова современного словоупотребления» (1962) под редакцией С. И. Ожегова. Выход в свет таких словарей отчасти был продиктован той неоднозначной социолингвистической ситуацией, которая сложилась в области вариативности орфоэпических норм в 1950—1960-х годах.

Практическая работа в этом направлении активно проводилась ученым после первого издания «Словаря русского языка» (1949): у С. И. Ожегова возникла идея проверить изменчивость тех или иных речевых форм. Он подготовил и разослал многим отечественным ученым, деятелям культуры анкету, в которой просил ответить на разные вопросы, касающиеся стилистики, акцентуации, грамматического употребления слов. П. Оболенский был одним из тех, кто получил такую анкету. Он обратил особое внимание на произношение заимствованных слов, которые, по его мнению, в публичной речи на радио и телевидении часто звучат с ошибками. Вместо *центнер* с мягкими *н'* П. Оболенский предложил использовать твердый *н*, вместо *лидер* с мягким *д'* — твердый *д* и т. д. Эти вопросы, как мы видим, в 1950—1960-х годах звучали очень актуально. Сравним указанные П. Оболенским слова с тем, что зафиксировано в книге «Русское литера-

турное произношение и ударение». Примечательно, что эти случаи отмечены там с соответствующими пометами: «**лидер**, -а [не дэ]» [Русское литературное..., 1955, с. 196], «**темп**, -а [тэ]» [Там же, с. 464], «**термин**, -а [не тэ]» [Там же, с. 466]. А у слова *телевизор*, как и у других лексем с теле-вообще отсутствуют предупредительные пометы. Это свидетельствовало о том, что уже к середине 1950-х годов данные элементы не воспринимались носителями языка как заимствования, они адаптировались к произносительным условиям и закрепились в таком **общеупотребительном** варианте в живой речи и стали **нормой** литературного языка. Еще и с этой целью С. И. Ожегов и возглавлявшийся им Сектор культуры речи в Институте русского языка АН СССР проводили лингвистическое анкетирование.

П. Оболенский — С. И. Ожегову¹

[Ленинград], 27. 7. [19]61²

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Только что вернувшись из Москвы, нашел Ваше письмо. Сердечно Вас благодарю и с большим удовольствием заполню «анкету». Вы делаете громадное и высокополезное дело! Честь Вам и хвала!!³

Сейчас я очень занят постановкой [...] «Пиковой Дамы» в Ленфильме и буду бесконечно счастлив повидать Вас и вручить свою анкету. Непременно позвоню Вам по приезду. —

Еще раз — сердечное спасибо!

Крепко жму Вашу руку.

П. Оболенский [Архив РАН, ф. 1516, оп. 2, ед. хр. № 114, л. 1 об].

П. Оболенский — С. И. Ожегову⁴

[Ленинград], 25.V. [19] 64

Многоуважаемый Сергей Иванович,

Мне захотелось кое-что дополнить к моему прошлому письму и поделиться с Вами теми моими мыслями, которые бродят во мне все по тому же вопросу: о произношении, но на этот раз — русских словах.

По радио, думается мне, надо было бы обратить особенное внимание на правильное произношение русских, но пришедших к нам слов с запада. Наш язык подсказывает нам, что почти все согласные (больше всего *д*, *т*, *н*) мы произносим мягко[,] но есть и такие слова, которые дикторы произносят

1 Автограф синими чернилами.

2 Место написания (г. Ленинград) определяется по контексту письма. Последняя цифра года в автографе написана нечетко. При обработке документа сотрудники архива указали на обложке папки: 27 мая 1961 г. — 25 мая 1964 г.

3 Здесь и в конце следующего абзаца автор завершает строку знаком дефиса.

4 Автограф голубыми чернилами на тетрадном листе в линейку.

сотни раз в день и которые искажаются именно потому, что согласные в них произносятся «по-русски». Возьмите слово — «центнер». Звук «н» необходимо произнести очень твердо, а дикторы всегда думают, что надо как-то сказать по-русски: *цен(ь)тн(ь)ер*. Другое слово — «лидер» — тоже звучит ужасно, когда скажут «лид(ь)ер»; мож<ет> б<ыть>, если написать «лидэр», то в письме будет более понятна моя мысль о том, что «д» надо произнести очень твердо: «лидэр». Говорят: «т(ь)емп», а не «тэмп», «т(ь)ермин», а не «тэрмин», «т(ь)елевизор», а не «тэлевизор»; тут даже вместо «о» поставят *-ер*. Как ужасно, что чистое *-ер* теперь всегда и везде обращается в *-ёр*: *мушкетёр* вместо «мушкетэр», *фюникулёр*, а не «фюникулэр» и т. д.

Не думаете-ли Вы, что следовало-бы обратить внимание на это тех лиц, которые руководят сообщениями «Последних известий»?

Я привел опять всего лишь несколько слов, но именно тех, кои непременно произносятся ежедневно по *многу раз*. Думаю, что исправить эти погрешности не так будет трудно. Кому как не радио, которое слушают миллионы людей, следовало-бы [обратить]¹ очень серьезное внимание на произношение.

Простите, что отнимаю у Вас время чтением этих каракуль. Позволяю себе думать, что Вы согласны с моими доводами.

Крепко жму Вашу руку.

П. Оболенский [Архив РАН, ф. 1516, оп. 2, ед. хр. № 114, лл. 3—4].

4. Заключение = Conclusions

Публикуемые материалы можно характеризовать не только с точки зрения филологической информативности, хотя их лингвистическая дискуссионность до сих пор не устарела. Мы по-прежнему задаемся вопросами написания и произношения заимствованных слов, образования апеллятивов, не всегда корректно используем нужные значения и т. д. С. И. Ожегов и его «корреспонденты» обсуждали на страницах писем самые актуальные для того времени проблемы функционирования русского языка и его вариативность в словаре и речи: как следует отбирать и толковать дефиниции в лексикографических источниках (*пилёный сахар*, *плавленый сыр*), на какие оттенки семантики необходимо обращать внимание (*громоотвод*), как соотносятся устаревшее значение лексемы с его новым обликом. Спорным и до конца не решенным в науке остается вопрос образования слов от имен писателей и поэтов (у С. И. Ожегова *лермонтовед*, вместо *некрасовед* — *некрасовед*; ср. современное *есениновед*) и государственных деятелей (ср.: *бонапартист*, *сталинист*). Ученый затрагивал в ответах на письма и один

1 Вставленное нами в скобках слово пропущено в подлиннике.

из самых важных вопросов социолингвистики: что влияет на изменения произносительной нормы в языке (*тэрмин* — *термин*), как быстро меняется звуковой рисунок слова. Обсуждаемый в статье эпистолярный решает многие дискуссионные проблемы практической стилистики русского языка, помогает современным исследователям не только опираться на богатый лингвистический потенциал науки XXI века и актуальные методики, но и полагаться на исторический опыт поколения классических филологов, их живые эксперименты. С. И. Ожегов учит нас видеть и понимать любые неожиданные повороты словесной моды, отсекает не свойственные языку интонации, предостерегает от поспешных, непроверенных выводов и тем самым подсказывает, как сохранить культурный стержень родной речи.

Лингвистический эпистолярный — это и своего рода документы эпохи, в которых сквозь призму субъективного взгляда выражено духовное лицо советской науки тех лет. Живые портреты участников переписки с С. И. Ожеговым свидетельствуют о самобытности, нешаблонности мышления и глубоких познаниях ученого в разных жанрах словесности: от терминологии и лексикографии до орфоэпии. С. И. Ожегов как «словароспец» слышал все мелодии языка, чувствовал лингвистическое пограничье и увлекал своими подсказками тех, кто обращался к нему за помощью и советом. Этот филологический универсализм в той или иной мере был свойствен многим ученым, воспитанным хорошей советской школой, но здесь, в наших эпистолярных зарисовках, он раскрылся особенным образом — как историко-культурная рефлексия языкового сознания ученого. Ожеговский эпистолярный — всегда эксперимент, который оставляет некоторую недосказанность, призывает читателей самим исследовать материю языка. Она, как мы видим по стилистическим чертам публикуемых текстов, не имеет границ и каждый раз играет новыми красками филологических состязаний.

Источники и принятые сокращения

1. Архив РАН — *Архив* Российской академии наук (Москва). Ф. 1516 (Ожегов Сергей Иванович). Ф. 1537 (Еголин Александр Михайлович).

Литература

1. *Буркова Т. А.* Особенности проявления апеллятивации антропонимов в научном стиле (на материале немецкого языка) / Т. А. Буркова // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (12). — С. 87—91.
2. *Винокур Т. Г.* О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т. Г. Винокур // Вопросы культуры речи. — Москва : Издательство АН СССР, 1965. — Выпуск 6. — С. 16—32.
3. *Еголин А. М.* Некрасов — поэт крестьянской демократии / А. М. Еголин. — Москва : Гослитиздат, 1935. — 126 с.

4. Зорина Л. Ю. Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей традиционной коммуникативной культуры / Л. Ю. Зорина // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Т. 23. — Специальный выпуск. — С. 76—80.

5. Костомаров В. Г. С. И. Ожегов : русская речь и «Русская речь» / В. Г. Костомаров // Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — С. 17—22. — ISBN 5-85759-144-9.

6. Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Флинта, 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-9765-4524-3.

7. Никитин О. В. «В ответ на Ваш запрос сообщая...» (К 70-летию издания «Словаря» С. И. Ожегова) / О. В. Никитин // Русская речь. — 2020а. — № 2. — С. 115—127. — DOI: 10.31857/S013161170009277-3.

8. Никитин О. В. «Словарь Ваш нужен всем» : письма к С. И. Ожегову 1940—1960-х гг. (К 120-летию со дня рождения ученого) / О. В. Никитин // Вопросы лексикографии. — 2020б. — № 18. — С. 133—149. — DOI: 10.17223/22274200/18/7_

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. — 848 с.

10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; изд. 6-е, стер. — Москва : Советская энциклопедия, 1964. — 900 с.

11. Ожегов С. И. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (предварительные наброски) / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — С. 410—412. — ISBN 5-85759-144-9.

12. Русское литературное произношение и ударение : Опыт словаря-справочника / под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 588 с.

13. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926) / А. М. Селищев. — Москва : Работник просвещения, 1928. — 248 с.

14. Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — Москва : Индрик, 2001. — 557, [2] с. — ISBN 5-85759-144-9.

15. Суперанская А. В. Аппеллятив — онома / А. В. Суперанская // Имя нарицательное и собственное. — Москва : Наука, 1978. — С. 5—34.

16. Толковый словарь русского языка : в 4-х тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. — Том III. — 1424 стлб.

17. Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи / Д. Н. Ушаков // Русская речь. — Новая серия. — Ленинград : Academia, 1928. — Выпуск III. — С. 5—27.

Material resources

Archive of the Russian Academy of Sciences — Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow). F. 1516 (Ozhegov Sergey Ivanovich). F. 1537 (Egolin Alexander Mikhailovich). (In Russ.).

References

Avanesov, R. I., Ozhegov, S. I. (eds.). (1955). *Russian literary pronunciation and stress: The experience of a dictionary-reference.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 588 p. (In Russ.).

- Burkova, T. A. (2010). Features of the manifestation of the appeal of anthroponyms in the scientific style (based on the material of the German language). *Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Series: Humanities*, 2 (12): 87—91. (In Russ.).
- Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov*. (2001). Moscow: Indrik. 557, [2] p. ISBN 5-85759-144-9. (In Russ.).
- Egolin, A. M. (1935). *Nekrasov — poet of peasant democracy*. Moscow: Goslitizdat. 126 p. (In Russ.).
- Kostomarov, V. G. (2001). S. I. Ozhegov: Russian speech and “Russian speech”. In: *Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov*. Moscow: Indrik. 17—22. ISBN 5-85759-144-9. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2021). *Essays on sociolinguistics*. Moscow: Flint. 360 p. ISBN 978-5-9765-4524-3. (In Russ.).
- Nikitin, O. V. (2020a). “In response to your request, I inform...” (To the 70th anniversary of the publication of the Dictionary by S. I. Ozhegov). *Russian speech*, 2: 115—127. DOI: 10.31857/S013161170009277-3. (In Russ.).
- Nikitin, O. V. (2020b). “Everyone needs your dictionary”: letters to S. I. Ozhegov of the 1940s—1960s (To the 120th anniversary of the scientist’s birth). *Questions of lexicography*, 18: 133—149. DOI: 10.17223/22274200/18/7. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1952). *Dictionary of the Russian language. 2nd edition, ispr. and add.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 848 p. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1964). *Dictionary of the Russian language. 6th edition, ster.* Moscow: Soviet encyclopedia. 900 p. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (2001). Dictionary of the revolutionary era. Historical and cultural reference book (preliminary sketches). In: *Dictionary and culture of Russian speech: To the 100th anniversary of the birth of S. I. Ozhegov*. Moscow: Indrik. 410—412. ISBN 5-85759-144-9. (In Russ.).
- Selishchev, A. M. (1928). *The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language in recent years (1917—1926)*. Moscow: Worker of Education. 248 p. (In Russ.).
- Superanskaya, A. V. (1978). Appellative — onoma. In: *Common and proper name*. Moscow: Nauka. 5—34. (In Russ.).
- Vinokur, T. G. (1965). On the language and style of A. I. Solzhenitsyn’s novel “One Day of Ivan Denisovich”. In: *Questions of speech culture*, 6. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 16—32. (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (1928). Russian orthoepy and its tasks. In: *Russian speech. A new series, III*. Leningrad: Academia. 5—27. (In Russ.).
- Ushakov, D. N. (1939). *Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes, III*. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1424 stlb. (In Russ.).
- Zorina, L. Y. (2017). Appeals in Vologda folk dialects as a reflection of the features of traditional communicative culture. *Bulletin of Kostroma State University*, 23 Special issue: 76—80. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.05.2022,
одобрена после рецензирования 29.07.2022,
подготовлена к публикации 21.08.2022.